ЧУВАШСКІЙ МЫСЪ.

ЧУВАШСКІЙ МЫСЪ.

Изъ археолого-историческихъ набросковъ

М. С. Знаменскаго.

1891.
ТОБОЛЬСКЪ.
Губернская Типографія.

Дозволено цензурою. Іюля 2 дня, 1891 года.

ЧУВАШСКІЙ МЫСЪ.

Триста слишкомъ лѣтъ тому назадъ, въ тѣ годы, когда рѣшалась судьба Сибири, въ Европѣ процвѣтали уже и наука и искусства: въ туманной Англіи, въ эти самые года, безсмертный Шекспиръ писалъ произведенія, которымъ суждено было сдѣлаться извѣстными всему свѣту—проникать и доставлять отраду въ такихъ мѣстахъ, какія при его жизни были населены только дикарями. Геніальная кисть Европейскихъ художниковъ того времени обезсмертила уже много, и историческихъ лицъ съ ихъ историческими подвигами, и простыхъ смертныхъ въ ихъ прозаической обстановкѣ.

Неудивительно, послѣ того, что писатель, вспоминая намъ прошлое Европы за триста лѣтъ, можетъ представить картину того времени съ богатыми и вѣрными подробностями. Совсѣмъ другое дѣло—говорить о прошломъ нашей Сибири: тутъ въ нашемъ распоряженіи нѣсколько краткихъ лѣтописей, да остатки тѣхъ холмовъ и равнинъ, гдѣ жили и дѣйствовали историческія личности. Съ этими-то лѣтописями я и приглашаю читателя прогуляться со мной по нашимъ окрестностямъ и помянуть дѣла давно минувшихъ дней.

Въ 1580-хъ годахъ владѣлъ Сибирью царь Кучумъ; 12-ть лѣтъ тому назадъ пришелъ онъ со своими удальцами изъ южныхъ степей, побѣдилъ царя Этыгара (Этигера), убилъ его и поселился въ его городкѣ „Сибирь“, называемомъ нынѣ Искеромъ (*). Помѣстившись тутъ со своими избранными, онъ

(*) Ис-каръ по татарски означаетъ вообще всякое старое городище. . . „Историческое обозрѣніе Сибири“, соч. Словцова.

принялся хозяйничать въ землѣ Сибирской, размѣщая женъ и родственниковъ по разнымъ ближнимъ городкамъ: такъ въ мѣстечкѣ Абалакъ помѣстилъ онъ старшую жену свою Самбулу, близъ нынѣшняго Тобольска жила вторая жена его, старшая дочь Мурзы Девлетъ-Бая; сѣвернѣе, верстъ на 9-ть отъ Тобольска, былъ городокъ третьей его жены—Сузге; затѣмъ тамъ и сямъ размѣстились его родственники: гдѣ тесть, гдѣ зять, гдѣ племянникъ.

Устроивъ своихъ близкихъ по мѣстамъ, повелъ Кучумъ свою жизнь безъ труда и заботы. Взятіемъ Сибири и убійствомъ прежняго владѣтеля онъ лично закончилъ свои воинскія дѣла; для покоренія же мелкихъ Сибирскихъ народцовъ и для взиманія съ нихъ дани онъ разсылалъ уже подчиненныхъ. Дѣлъ у него по управленію своимъ царствомъ, какъ можемъ думать, было немного; порой только приходилось отписываться отъ требованій русскимъ царемъ дани по примѣру прежнихъ лѣтъ. Свою привычку къ кочевой жизни онъ могъ удовлетворять, визитируя своихъ женъ и родственниковъ, въ антрактахъ же забавляясь охотой на многочисленныхъ еще тогда въ Сибири звѣрей и птицъ.

Было у Кучума всего довольно: хлѣбъ доставляли ему подвластные татары, занимавшіеся уже тогда хлѣбопашествомъ, рыбу, звѣря и мѣха—остяки и вогулы, а болѣе усовершенствованныя произведенія шли къ нему съ юга съ караванами изъ Бухары; такъ что про царя Кучума нашъ Тобольскій поэтъ П. П. Ершовъ имѣлъ полное право сказать:

„Много силы у Кучума,
Много всякаго богатства:
Драгоцѣнные каменья,
Изъ монистовъ ожерелья
Черный соболь и лисицы,
Золото и серебро. . . .“

И жилъ Кучумъ спокойно и въ довольствѣ до 1580 года, и дальше бы такъ жилъ, умеръ бы покойно и лежали бы его кости на ханскомъ кладбищѣ, еслибы вдали отъ Сибири, на Западъ за тысячи верстъ, на широкой матушкѣ Волгѣ, не плавали люди, которымъ жизнь была копѣйка и которые тя-

готу крестьянскаго труда съ его невзгодами промѣняли на легкую добычу разбойниковъ. Энергическія мѣры Царя Ивана Васильевича, принятыя противъ нихъ, заставили этихъ людей поискать для себя другого подходящаго занятія, и какъ говорится въ старой пѣснѣ:

Рѣчь возговорилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ:
Ой вы гой еси, братцы, атаманы-молодцы,
Эй вы дѣлайте лодочки коломенки,
Забивайте вы кочеты еловые,
Накладайте бабаички сосновыя,
Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью,
Мы приграянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ рѣкѣ,
Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства бусурманскаго,
Завоюемъ мы царство Сибирское.

Вамъ, юные читатели, хорошо извѣстно, кто былъ Ермакъ, какъ попалъ онъ къ Строгоновымъ, жившимъ на границѣ Сибири, какъ съ ихъ помощью пошелъ на царя Кучума. Моя цѣль не повторять историческихъ извѣстныхъ вамъ сказаній, а только пройти по историческимъ сибирскимъ мѣстностямъ и вспомянуть, гдѣ что было.

Не разъ гуляя по этимъ мѣстамъ, срисовывая ихъ и роясь въ землѣ, я говорилъ и съ мѣстными жителями, въ надеждѣ услышать отъ нихъ какія нибудь преданія, или легенды о прошломъ, но, къ сожалѣнію, русскихъ сибиряковъ ничего прошлое не интересовало. Только нашелся одинъ татаринъ-старикъ, житель Соусканскихъ юртъ, находящихся вблизи родоваго ханскаго кладбища. Привожу его сказаніе буквально: „Да!“ началъ меланхолически полуслѣпой сухой старикъ, казавшійся тѣнью, вышедшею изъ могилы, осѣненной столѣтними березами, „да, не хотѣлъ царь Кучумъ стариковъ слушать . . . не хотѣлъ—и погубилъ свое царство . . . . Бѣжалъ къ нему Ермакъ, отъ русскаго царя бѣжалъ; много онъ тамъ людей убилъ, русскій царь хотѣлъ его повѣсить, ну онъ и бѣжалъ къ нашему царю . . . Принялъ его Кучумъ, хорошій кузнецъ былъ Ермакъ и умный человѣкъ, полюбилъ его нашъ царь . . . Старики говорили: не вѣрь Ермаку . . . не слушалъ стариковъ

Кучумъ, пускалъ его вездѣ . . . Годъ у него и жилъ Ермакъ, а когда все высмотрѣлъ, убѣжалъ. А потомъ, погодя немного, пришли къ царю наши и говорятъ: ой плохо Царь! щепа плыветъ по Тоболу, много щепы плыветъ . . . худо будетъ, сбирай войско! Опять царь не послушалъ стариковъ. А тамъ на Тоболѣ русскіе суда себѣ строили . . . построили, сѣли на нихъ, пришли сюда и взяли у Кучума царство. Это такъ было, у насъ все это въ нашихъ книгахъ такъ написано . . .“ закончилъ онъ свой разсказъ. Я разумѣется не сталъ ему пропагандировать о томъ, какъ въ нашихъ книгахъ написано: во-первыхъ кто могъ быть порукой, въ чьихъ книгахъ правда, а во-вторыхъ достаточно ужъ того, что мы русскіе отняли у татаръ царство; зачѣмъ же я буду отнимать у него дорогое для него убѣжденіе, что непослушаніе стариковъ были причиной этой потери.

И вотъ мы, потомки нѣкогда убивавшихъ другъ друга, мирно сидимъ друзьями, бесѣдуя о прошломъ и наслаждаясь природой. Я любовался и разказчикомъ, и всей окружающей насъ картиной; солнце опускалось къ западу и пронизывало густую рощу своими лучами, золотя то кудрявую зелень, то свѣтлыми пятнами рисуясь на синеватомъ столбѣ, увѣнчанномъ чалмою, то играя на верхушкѣ длиннаго деревяннаго копья, воткнутаго надъ прахомъ неизвѣстнаго батыря; тѣнь отъ этой кладбищенской рощи длинной полосой тянется къ востоку; а тамъ далеко облитый заходящимъ солнцемъ золотится крутой стѣной правый берегъ Иртыша, гдѣ жилъ нѣкогда тотъ непослушный Кучумъ, о которомъ только что закончилъ рѣчь свою мой бронзовый пріятель въ своей бѣлой длинной татарской рубахѣ, рѣзко отдѣляющей его фигуру отъ изумрудно зеленой травы, на которой онъ сидитъ.

Но возвратимся къ Кучуму и встревоженной странѣ его: плывущая ли щепа, какъ говорилъ старикъ, или расплывающіяся чудныя вѣсти, какъ говорятъ лѣтописи, были причиной тревоги Сибирскаго народа—эти вѣсти или легенды П. П. Ершовъ облекъ въ поэтическую форму:

„Чудны женскіе разсказы!
Будто полночью глухою,

На мысу одномъ высокомъ,
По три раза приходила,
Цвѣту бѣлаго собака
И какъ уголь черный волкъ;—
Съ воемъ грызлись межъ собою,
И въ послѣдній разъ собака,
Разтерзала злаго волка.
Будто съ той же ночи всюду
Межъ Сибирскими лѣсами
Чуднымъ образомъ и видомъ
Вдругъ береза зацвѣла.
Будто въ полдень на востокѣ
Облака являютъ городъ
Съ полумѣсяцемъ на башняхъ—
И подуетъ вѣтръ съ Урала,
И снесетъ тотъ полумѣсяцъ,
И навѣетъ чудный знакъ.
Будто въ полночь вдругъ заблещетъ
Надъ могилами Искера
Яркій свѣтъ звѣздой кровавой,
И послышится стукъ сабель,
И невѣдомый имъ говоръ,
И какой-то страшный трескъ.
Что-то будетъ съ Ханскимъ царствомъ?

Всѣ эти видѣнія тревожили народъ и доставляли тему Сибирскому люду для ихъ бесѣдъ; тревожили ли они самаго царя Кучума—я не знаю; знаю только, что пришлось ему встревожиться, но ужъ отъ иныхъ разсказовъ: близкій ему человѣкъ Таузакъ поѣхалъ собирать дань съ подвластныхъ Кучуму народцевъ; на устьѣ рѣки Тавды онъ нежданно негаданно наткнулся на русскихъ людей; схватили его русскіе, перевязали его всю свиту и представили предъ очи атамана Ермака. Разумѣется ничего добраго, ни себѣ, ни свитѣ своей Таузакъ не ожидалъ, но—ошибся; вмѣсто смерти, плѣнные нашли хорошій пріемъ и угощеніе. Угощалъ Ермакъ гостей своихъ, угощалъ, ласкалъ и спрашивалъ; а тѣ ему въ благодарность за ласку нежданную разсказали подробно и о цар-

ствѣ Кучума, и о богатыряхъ своихъ, и о видѣніяхъ Кучумовыхъ. Съ своей стороны и Ермакъ показалъ ту еще невѣдомую имъ силу, при помощи которой онъ такъ скоро и безпрепятственно шелъ по враждебной ему сторонѣ, т. е. велѣлъ своей дружинѣ стрѣлять изъ пищалей, а затѣмъ сытыхъ, хотя нельзя сказать, чтобы радостныхъ, отпустилъ гостей домой.

Получивъ дозволеніе удалиться, гости конечно не стали засиживаться, а понеслись въ Искеръ. Много у нихъ было чего поразсказать царю Кучуму, который вмѣсто ожидаемой дани получилъ горькую вѣсть, что хозяйничаютъ въ его царствѣ гости нежданные, непрошенные, да что не простые то люди, а „сильные, и когда изъ луковъ своихъ стрѣляютъ, тогда пышетъ огонь, и дымъ бываетъ великій и такъ стучитъ, какъ громъ на небѣ, и ничѣмъ защититься нельзя; ни панцыри, ни кольчуги, ни щиты наши не выдерживаютъ,—все пробиваетъ на вылетъ“...

Дѣло шло ужъ не о видѣніяхъ туманныхъ городовъ и звѣрей,—шла бѣда дѣйствительная. И всунули гонцы ногу въ костянныя стремена, вскочили на коней и понесли во всѣ стороны тревогу, да царскій приказъ: собираться всѣмъ на Чувашскій мысъ, подъ начало „Сибирскихъ странъ богатыря“ Махметъ-Кула.

На круто-подымающемся надъ Иртышемъ Чувашскомъ мысу началъ Махметъ-Кулъ устраивать себѣ крѣпость: вырыли ровъ сажени въ двѣ глубиной и сажени четыре шириной, укрѣпили его валомъ и частоколомъ; затѣмъ, отступивъ саженъ на 20 отъ перваго укрѣпленія, вырыли второй ровъ. Съ той же стороны, откуда ждали врага, не надо было ни рвовъ, ни валовъ; на 30 саженную стѣну не совсѣмъ то удобно было взбираться, противъ стрѣлъ, да запасеннаго каменья. Внизу же передъ холмомъ, сдѣлана засѣка.

(Фот. планъ Чуваш. мыса).

Устроивъ городокъ и оставивъ тутъ часть отряда, двинулся Махметъ-Кулъ на встрѣчу Ермака и при урочищѣ Бабасанъ показалъ, что есть въ Сибири люди, рѣшившіеся дорого продать и свою жизнь и свою землю. Ермакъ отступилъ и поспѣшилъ сѣсть на свои суда. Но только это отступленіе

и пріобрѣли своей храбростію и кровью войска Маметъ-Кула. Суда Ермаковы шли впередъ и впередъ, не страшны были имъ стрѣлы, которыми осыпали ихъ съ берега сопутствующіе имъ татара. И вскорѣ съ Чувашскаго мыса, узкій, но дальнозоркій глазъ киргиза могъ усмотрѣть на западѣ и дымъ и зарево: то горѣлъ богатый улусъ Карачи. Оставалась одна надежда на Чувашскій мысъ.

Въ мрачный осенній вечеръ 1581 года струги казаковъ покинули воды Тобола, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Захарьевская церковь, вступили въ широкій Иртышъ; передъ ними за лѣсомъ, отступивъ полукругомъ, шелъ высокій холмъ, оканчивающійся на югѣ у самой рѣки Чувашскимъ мысомъ, усыпанный сверху тысячами людей. Укрѣпленный снизу засѣками, угрюмо и грозно смотрѣлъ онъ на подплывающую къ нему дружину Ермака.

Дрогнуло сердце храбрыхъ! Оставивъ свои суда и высадившись на лѣвый берегъ рѣки, въ покинутый жителями городокъ „Атыкъ-Мурза", задумались русскіе. Невеселыя были ихъ думы: рѣшался вопросъ: „что имъ дѣлать? какъ устоять противу толикаго собранія поганыхъ?" Первою мыслью было—бѣжать назадъ. Но какъ уйти? Куда уйти? На рѣкахъ началась уже шуга. Суда ихъ, служившія имъ надежной защитой отъ стрѣлъ, уже не годились. Отступать же пѣшкомъ, по странѣ незнакомой, враждебной, безъ провіанта, значило прямо идти на смерть.

— „Не отъ множества воиновъ бываетъ побѣда, но свыше отъ Бога помощь дается: Богъ можетъ и безпомочнымъ помочь". Такія слова лѣтописецъ влагаетъ въ уста Ермаку на этомъ совѣтѣ. „И вспомнимъ, братья, обѣщаніе свое, честнымъ людямъ данное съ цѣлованіемъ креста: всѣмъ погибнуть, а назадъ не возвращаться. . . Если же намъ Всемогущій Богъ поможетъ, то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ тѣхъ странахъ, и слава наша будетъ вѣчна".

— „Готовы умереть за святую православную церковь и за истинную православную вѣру пострадать"! Такъ, по лѣтописи, порѣшили казаки и покончили совѣтъ свой.

Разсвѣло. Настало 23 октября.

„Ермакъ же“, говоритъ лѣтописецъ, „о дѣлѣ своемъ зело печальшеся и рѣче дружинѣ своей со слезами: о, друзи и братіе! помолимся Богу и пречистой его Богоматери, и всѣмъ небеснымъ силамъ и угодникамъ Его, дабы сохранены быша отъ нечестивыхъ и окаянныхъ враговъ“.

Началась общая молитва.

„И подходитъ онъ подъ знамя,
И даетъ къ молитвѣ знакъ,
И послушно вся дружина,
За вождемъ склонивъ колѣна,
Въ тишинѣ благоговѣйной,
Молитъ Господа и Бога,
О побѣдѣ надъ врагомъ.
Не долга—сильна молитва!
Вскорѣ встали всѣ казаки,
Сабли на голо и дружно,
Громкимъ голосомъ вскричали:
Съ нами Божеская сила
И Угодникъ Николай!“

„Вышли, и глаголаху: съ нами Богъ! и паки приложиша: съ нами Богъ: Боже, помози рабомъ своимъ! И начаша приступати къ засѣкѣ“.

Туча стрѣлъ встрѣтила храбрую дружину, „и мнозѣхъ отъ Ермаковы дружины буйственныхъ овѣхъ уязвляютъ, а иныхъ смертію убиваютъ“.

Смѣшались ряды казацкіе, а обрадованные этимъ Кучумовцы, рѣшась разомъ покончить со врагомъ своимъ, сломали засѣки и бросились на русскихъ. Началась жестокая битва. „И бысть сѣча зла; за руки емлюще сѣчахуся!“ говоритъ лѣтописецъ, или, какъ выражается поэтъ Дмитріевъ:

Грудь съ грудью и рука съ рукой,
Отъ вопля ихъ дубравы воютъ,
Они стопами землю роютъ
Крутятся .... и Ермакъ сломилъ.

Поэтъ описываетъ здѣсь единоборство Ермака съ Махметъ-Куломъ.

Намъ неизвѣстно, приходилось ли въ дѣйствительности

встрѣтиться лицомъ къ лицу на этомъ мѣстѣ двумъ героямъ; изъ лѣтописей же мы только знаемъ, что Махметъ-Кулъ палъ здѣсь раненымъ и, выхваченный изъ сѣчи своими товарищами, былъ увезенъ въ маленькой лодочкѣ на лѣвый берегъ Иртыша. Рана и изчезновеніе съ поля битвы храбраго предводителя подѣйствовали на татаръ и они въ свою очередь начали отступать отъ дружины Ермаковой.

И взялъ Ермакъ „ихъ засѣку и знамена свои тутъ поставиша".

Гдѣ былъ и что дѣлалъ въ это время царь Кучумъ?

Прибывъ на Чувашскій мысъ, чтобы лично слѣдить за ходомъ дѣла, тревожные часы переживаетъ царь на этомъ высокомъ холмѣ, съ котораго, какъ съ царской ложи, онъ могъ видѣть всю сцену, гдѣ давалась кровавая драма. Окруженный муллами и остяцкими князьками, отсюда лучше самихъ участниковъ, онъ видѣлъ и понималъ ходъ всего дѣла. Дрогнуло его сердце при видѣ уносимаго съ поля сраженія Махметъ-Кула, дрогнули сердца и остяцкихъ князьковъ, бросившихся бѣжать со своими подчиненными народцами. Видѣлъ Кучумъ какъ начали отступать и татара.

Надежды на людей ужъ не было. И „повелѣ мулламъ своимъ кликати свою молитву и призывати на помощь своя боги. И не бысть ему помощи отъ нихъ, ни поспѣшенія". Кучумъ бѣжалъ.

И все это „толикое поганыхъ собраніе", такъ ужаснувшее вчера дружину Ермакову, исчезло. Только угрюмый холмъ стоялъ на своемъ мѣстѣ; у подножія его на засѣкѣ осенняя непогодь играла съ русскими знаменами, или, правильнѣе сказать, хоругвями; а вблизи была равнина, усѣянная трупами.

„Очервленишася тогда кровьми поля, сущая ту, и постлашася трупіемъ мертвецъ. . . И блато собрашеся ту отъ истекшія крови, якоже древле отъ тѣлесъ у Троянскаго града". Такъ заканчиваетъ лѣтописецъ свое сказаніе объ этой битвѣ.

Перейдемъ отъ прошлаго къ настоящему. Названіе Чувашскій мысъ, нѣкоторые приписываютъ тому, что будто бы во времена Кучума на этомъ мысу жили Чуваши, но Сибирскій историкъ Словцовъ говоритъ, что „Чувашей не было видно

въ бытіяхъ Сибирской исторіи“ и что „рѣченіе Подъ-чуваши значитъ на остяцкомъ языкѣ: селеніе прибрежное“ . . . Вѣроятно тутъ жили вогулы и остяки. . . На томъ мѣстѣ, гдѣ была засѣка и гдѣ впервые раздались ружейные выстрѣлы, и нынѣ войска мѣстнаго баталіона упражняются въ стрѣльбѣ. Время, въ компаніи съ дождями, промыло въ холмѣ нѣсколько овраговъ и одинъ изъ нихъ, послѣдній къ Иртышу, составляетъ самый удобный подъемъ на эту тридцати-саженную возвышенность и приводитъ прямо въ главный и первый ровъ. Поднимаясь по узкой тропинкѣ оврага, почти на каждомъ шагу можно найти какой либо остатокъ стараго времени: узорчатый черепокъ глинянаго сосуда, обломокъ костяной подѣлки, особенно много рыбьихъ костей, бѣлѣющихъ въ глинистомъ слоѣ правой стороны оврага. Поднявшись на верхъ, вы вступаете въ ровъ, изъ котораго направо протоптанная тропинка ведетъ въ главное укрѣпленіе, имѣющее форму небольшаго закругленнаго треугольника, съ тремя возвышавшимися на немъ древними курганами. Чья то любознательная, а быть можетъ и корыстная рука, давно уже, такъ что успѣли тутъ вырости порядочныя березы, выкопала въ центрѣ этихъ кургановъ глубокія ямы. Пустынно теперь это главное укрѣпленіе, поросшее мелкими кустарниками таваложника, шиповника и земляничникомъ, за то красивая и обширная панорама открывается съ этого мѣста глазу зрителя. Но, не смотря на красоту этой панорамы, облитой весеннимъ солнцемъ, съ свѣтлой рѣкой, отражающей въ себѣ голубой фонъ неба, съ розоватыми серебромъ опушенными облаками, не смотря на ярко зеленѣющіе луга, меня на этомъ пустынномъ холмѣ всякій разъ охватываетъ духъ прошлаго, и видится мнѣ другая картина: въ моемъ воображеніи возстаетъ мрачное, богатое событіями, октябрское утро во всей своей Сибирской обстановкѣ: съ свинцовымъ небомъ, съ бѣлѣющимъ отъ инея пространствомъ луговъ, на которомъ гигантскимъ серпомъ лежитъ стальной Иртышъ. И вотъ здѣсь, на этой высотѣ, на мрачномъ фонѣ неба, выдѣляется пестрая толпа въ своихъ пестрыхъ, съ теплаго юга занесенныхъ костюмахъ, окружаетъ она южнаго выходца-полуслѣпаго царя Кучума и

любимцевъ его, и совѣтниковъ муллъ; за первымъ же валомъ темная масса его разноплеменныхъ данниковъ—темная масса темнаго люда, готовая, какъ и прилично рабамъ, устлать трупами землю, сдѣлать изъ своей крови болото, свирѣпо драться, чтобы отстоять жизнь, покой и довольство этой пестрѣющей передъ ними кучки людей.

Но и пестрое, и темное, устремило свои узкіе глаза туда, въ даль, къ стальной полосѣ рѣки, откуда двигается по бѣлому полю черная кучка людей съ развѣвающимися хоругвями. Малъ этотъ двигающійся съ молитвенными возгласами звѣрь, чрезъ нѣсколько времени убудетъ его еще на треть; но судьбой ужъ рѣшено ему пожрать ждущаго его великаго звѣря.

Да, историческія воспоминанія охватываютъ посѣтителя на этомъ историческомъ мѣстѣ, и все видимое напоминаетъ ему прошлое. Налѣво то мѣсто, увѣковѣченное легендой, мѣсто битвы двухъ звѣрей; вдали, на самомъ горизонтѣ, подернутая голубымъ туманомъ, далеко, далеко виднѣется небольшая возвышенность—мѣсто бывшаго богатаго улуса Карачи; направо, по эту сторону Иртыша, виднѣется уже не миражный изъ тумана, а дѣйствительный городъ съ бѣлыми колокольнями, увѣнчанными блестящими крестами; а на самомъ холмѣ, вокругъ обоихъ рвовъ, меланхолически качаютъ своими верхушками бѣлыя березы, вытѣснившія первыхъ здѣшнихъ обитателей—хвойные лѣса.

Но еще съ большей силою охватываетъ духъ прошлаго, когда, снявъ аршинный слой земли, начинаешь разбираться въ остаткахъ того вѣка. Впереди, по всему краю холма, лежатъ въ безпорядкѣ наконечники костяныхъ стрѣлъ разнообразной формы, между ними нѣсколько желѣзныхъ; тутъ же костянные топоры, кое гдѣ колечки отъ кольчугъ, нѣсколько каменныхъ пуговицъ и одна довольно крупнаго жемчуга. Въ центрѣ укрѣпленія—остатки большихъ костровъ, окруженные слѣдами съѣстныхъ угощеній: костями лошадей, оленей, птицъ и множества рыбьихъ (остатки стерлядей и щучьи челюсти поразительной величины); тутъ же масса разбитой глиняной посуды—отъ ведерной вмѣстимости до величины наперстка— и костянная ложка. Покончивъ съ удовлетвореніемъ гигантскаго

своего аппетита, жители не оставались праздными, и тутъ же около костровъ занимались: иные своимъ кустарнымъ производствомъ,—говорю это на томъ основаніи, что тутъ же найдены: желѣзные ножи, сверлила и грубо обдѣланныя и неоконченныя еще стрѣлы, свистки для приманки птицъ, а иные и игрой, потому что найденные закругленные черепки и до сихъ поръ служатъ для игры, а найденныя костянныя издѣлія—подобіе шахматъ. Позади же укрѣпленія остатки каменныхъ привѣсокъ къ неводамъ, костяные ножи для чистки рыбъ говорятъ о хозяйственныхъ домашнихъ складахъ. Но я не буду подробно излагать всѣхъ находокъ и говорить о мѣстѣ ихъ расположенія: это интересно только для завзятаго археолога. Скажу еще разъ о томъ удовольствіи, какое чувствуется человѣкомъ при разборкѣ всего этого оставшагося хлама— это напоминаетъ то удовольствіе ребенка, которое онъ испытываетъ, присутствуя при разборкѣ въ ящикѣ своей бабушки.

20k.